

Н. А. БАЕВА

Злободневная классика

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Наталья Баева

**Злободневная классика.
Рассказы о русских писателях**

«Издательские решения»

Баева Н. А.

Злободневная классика. Рассказы о русских писателях /
Н. А. Баева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904905-6

В занимательной форме книга повествует о том, на какие именно вопросы современности отвечают авторы «устарелой» классики — книг, созданных сто — двести и даже более лет назад.

ISBN 978-5-44-904905-6

© Баева Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Раздумья учителя литературы	6
Русское средневековье. X – XVII века Нашей эры	11
Жития	13
Слово о полку Игореве	19
Русский классицизм. XVIII ВЕК	25
ПОТОМУ, ЧТО БЕЗ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НЕВОЗМОЖНА НЕ ТОЛЬКО СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА, НО И САМАЯ ЕГО ЖИЗНЬ – СОЖРУТ СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ!	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Злободневная классика Рассказы о русских писателях

Наталья Анатольевна Баева

© Наталья Анатольевна Баева, 2018

ISBN 978-5-4490-4905-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздумья учителя литературы

Горький парадокс «литературы в школе»: кто же не понимает, кто же не согласится, что «проходить», изучать есть смысл только лучшее из того, что написано на русском языке? Только абсолютную классику. НО... Наши классики были столь серьёзны, что почти никогда и ничего не писали для детей. И сто-двести-триста лет спустя уже ничто в их картине мира не совпадает с жизненным опытом современного подростка. Как быть? Этот вопрос задают себе всё новые поколения наставников и родителей. Прежде всего – родителей: их приводит в отчаяние то, что дети «не читают». Но и тогда, когда читали, читали жадно, учителям было ничуть не легче!

Мы, школьники 70-х лет прошлого века, были страстными читателями, но – только дома, только для себя. На уроках литературы в школе откровенно скучали. А наша «литераторша», наша умница Валентина Петровна, говорила: «Школьный предмет вы любить и не обязаны – но обязаны знать. Пройдёт лет двадцать – тридцать, отрицательные эмоции от школы улягутся окончательно, и всё это вы прочтёте, как в первый раз. Наслаждение, несравнимое ни с чем!» Она оказалась права. Но тогда мы не знали, верить или нет? Такая бездна времени, как двадцать – тридцать лет – это не укладывалось в голову. Эти годы прошли, и проблема встала во весь рост уже передо мной. Из урока в урок помогаю ученикам продираться сквозь дебри незнакомых слов, непонятных отношений, изменившихся смыслов... Учитель литературы порой чувствует себя экскурсоводом по археологическому музею, если не по чужой планете. Но вот удалось завладеть вниманием, заинтересовать – и сразу возникает мысль: никакая эта планета не чужая. Не чужие нам наши предки!

И когда коллеги говорят: «Не всё ли равно, на каком материале учить мыслить, сравнивать, доказывать, писать сочинения? Почему не на том, что дети действительно читают? Почему не на «Гарри Поттере?» – становится не по себе. Гарри стал нам более своим, чем все наши, вместе взятые?

Эта книга родилась из бесед со старшеклассниками. Особое внимание в ней уделено именно тем темам и вопросам, которые при ближайшем рассмотрении оказались вполне современными. Злободневными! А если ещё и подхлестнуть мыслительный процесс, поспорив с учебником? С самим Белинским? Разойтись с ним в оценке литературного героя? Придётся ученику выбирать, с кем согласиться – с учебником, или с учителем. Ни с тем, ни с другим? Можно и так, только обоснуй, подтверди свою точку зрения ссылками на текст. Прочти!

И знаете ли вы, почему одни писатели в программе были всегда, как например Ломоносов или Пушкин, другие – то появлялись, то пропадали, как Гончаров или Достоевский, а есть и такие бесспорные классики, которых в школе никогда не было: Аксаков, Станюкович, Помяловский... Чем провинились Радищев, Чернышевский, Алексей Толстой – те, кого больше «не проходят»? Как и почему в программе появляются имена, возвращенные из забвения? Ставит ли жизнь такие вопросы, мимо которых не может пройти ни один писатель? И если да – то какие? Хватит ли у любого из нас воображения «примерить на себя» судьбу литературного персонажа? Или поэта? Или его музы?

Модная игра для творческих людей – писать рассказы по мотивам известных литературных произведений, фанфики. В интернете этим развлекаются целые сообщества, как начинающих писателей, так и профессионалов. А вы могли бы? Для начала попробуем заменить окончание книги – но так, чтобы не пострадала логика характеров персонажей.

Мне повезло: в школе Экстерн обучение индивидуальное. Один на один с учеником – это передача знаний буквально из рук в руки, это простор для творчества. У нас не возбраняется собственное мнение – но оно должно быть. Подворовать его из интернета – нельзя. Попытки

у новичков бывают, но желание попользоваться чужим пропадает быстро. Зачем, если появилось СВОЁ?

Но ведь если проводить уроки в форме диспута, а то и игры (тем, кто не прочёл, в такой игре делать нечего) – неизбежно придётся отойти от традиционной формы учебника? Ведь у иного поэта биография интереснее произведений, у иного – наоборот. Есть «гении одной книги», а есть и такие авторы, у которых трудно выбрать что-то «самое-самое». Есть те, жизнь и творчество которых изучены, и те, о ком впору рассказывать легенды... Что ж, пусть о ком-то будет биографический рассказ, о ком-то – легенда, о ком – то – эссе. Или обзор произведений.

Все эти рассказы о писателях и их героях уже помогли ученикам школы «Экстерн» подготовиться к ЕГЭ по литературе – и неплохо сдать. Причём ни у кого не возникло вопросов, а почему, собственно, мы говорим и о тех авторах, которые на экзамен не выносятся? Ясно, что чем шире панорама – тем легче написать сочинение. С таким – то запасом аргументов и фактов! Что же объединило наших классиков под одной обложкой школьных хрестоматий? Именно возможность для каждого нового поколения взглянуть – и открыть для себя то, что будет ему важно и интересно. Именно их неспособность «устареть», чудесный дар этих людей из прошлого отвечать на вопросы современности.

А вот этот плакат висит в моём кабинете. Смысл ясен – несокрушимый бастион русской культуры. Ребята узнают всех, или почти всех, но

всё же спрашивают: а почему они, а почему именно эти? Отвечаю:

– Это – литературная таблица Менделеева. Добраивать второй – третий ряд можно и должно самим, но из первого нельзя убрать ни одного.

Но когда люди приходят готовиться к экзамену – они предмет всё-таки знают, иначе бы не выбрали «необязательную» литературу.

Куда большей изобретательности требует работа с учениками средних классов средней школы. Со средними учениками. «Этика, толерантность, патриотизм» и ещё, и ещё уроки, которыми предлагается пополнить школьную программу – все задачи этих «спецкурсов» способна решить КНИГА, прочитанная вовремя! Если «воспитывать патриотизм» в старшем школьном возрасте уже поздно – не результат ли это... перестраховки? Того, что практически вся литература, нацеленная на воспитание гражданина, аккуратно вычищена из программы младших классов, как не способствующая «воспитанию толерантности»? А «толерантность» в буквальном переводе – «терпимость». Это было бы поводом лишний раз улыбнуться, если бы не оборачивалось терпимостью к любому пороку и бесчестию.

Но... что-то же подростки читают?!

Конечно, вакуум заполняется. Тем, что доступно, разрекламировано, экранизировано, «раскручено» – фэнтези! Не «научная фантастика», а именно «Фэнтези». Сколь бы ни было талантливо произведение этого жанра, задача его совсем не в том, чтобы помочь читателю

понять окружающее и окружающих. Напротив, чем дальше от действительности, чем фантастичнее – неправдоподобнее, тем лучше. Чем меньше противопоставленной этому жанру «психологии» – тем лучше. Зато увлекательно. Зато...

Ближайший результат? Русская классика с её реализмом-психологизмом просто не принимается неподготовленным сознанием. Отторгается, как нечто чужеродное. «Это – про ненормальную жизнь ненормальных людей!» – реальная фраза моего ученика. Десятиклассника.

Результат более отдалённый, но неизбежный – отторжение национальной традиции, опыта предков (в том числе и родителей) и сразу же за порогом школы – растерянность, а то и страх перед жизнью. Массовый инфантилизм и бегство в виртуальные миры. Уже выросло поколение, для которого «мир Сталкера» куда более реален, чем пошлый «реал». Там, в «Зоне» – настоящие страсти, опасности, друзья... и Родина, наверное.

И нет ничего проще, чем управлять массой, неспособной ориентироваться в жизни, не мыслящей. Не это ли – конечная цель «великого эксперимента»? Впрочем, если даже действительно цель была поставлена – результаты эксперимента ошеломили самих экспериментаторов! Иначе не возникли бы национальные проекты: «Сто книг», «Сто фильмов»... Программа экстренного спасения! Но... Не поздно ли? Нет, не поздно.

Ужасаясь размаху агрессивного невежества, не будем забывать о том, что большевикам в своё время досталось наследство, куда более тяжкое. 72% неграмотного населения, при отсутствии современной сети школ и учительских кадров!

Некогда инспектор Народных училищ Илья Николаевич Ульянов гордился тем, что за годы его службы количество начальных (именно начальных!) школ в Симбирской губернии выросло в полтора раза. И ужасался при мысли, что такими темпами грамотность дойдёт до Чукотки через... 600 лет! Продолжение этой истории все мы знаем: первый букварь на чукотском языке вышел в свет через... 15 лет. После Революции.

Грешно было бы нам опускать руки, имея ТАКОЕ прошлое.

И снова, и снова увидев кислые гримасы учеников, приходится объяснять, что «классика – это не пыльный музей окаменелостей, а копилка всего лучшего, что создало человечество». В архитектуре и танце, литературе и живописи, музыке и кино. Да, и в кино – тоже! Фильм считается вошедшим в этот золотой фонд, если он интересен и через тридцать лет, через поколение! Для картины или романа этот срок дольше – лет пятьдесят... Можно ли предугадать судьбу произведения? Вряд ли. Парижский уличный воришка Франсуа Вийон может, и мечтал о бессмертии, но его соотечественники – современники ни за что бы не поверили, что его стихи будут жить и пятьсот лет спустя!

Для кого же тысячелетиями копилось такое богатство, если не для потомков?

В семидесятые годы двадцатого века популярный композитор-эстрадник Д. Тухманов совершил, быть может, сам того не сознавая, настоящий просветительский подвиг – написал цикл мелодий на слова поэтов разных эпох. Древняя Греция, средневековая Франция, Америка, Польша... Услышав это на дискотеках мы, старшеклассники пришли в восторг. Не везде

могли разобрать на слух слова – и взяли эти сборники стихов в библиотеках. Прочли. Озорная поэзия вагантов – студентов Средневековья – стала для многих личным открытием. Особенно позабавили рассказы об образе жизни вагантов – первых европейских неформалов...

Спасибо композитору. Но разве трудно такие открытия совершать самим? Только протяни руку – поройся в книгах, сходи на выставку, поставь фильм, проверенный временем – и наверняка откроешь то, что будет близко и дорого лично тебе.

Несколько несмешных анекдотов «из жизни»:

Моя знакомая, некогда проявлявшая большой интерес к книгам, появилась в дверях.

– Слушай, у меня тут много всякого хлама в квартире есть. Не возмёшь?

– Какого хлама?

– Да этих чёртовых книжонки. Заберёшь?

Вечером «чёртовы книжонки» притащил сынишка знакомой, в джинсовой курточке с модными пряжками и в «крутых» кедах. В ушах – наушники. Господину восемь лет. Книжки все сплошь детские – советского времени.

– А почему ты сам не хочешь читать?

– Я чё, старик?

– Почему «старик»?

– А ка-а-му же ещё книжки читать?

Вполне начитанный одиннадцатиклассник (прочёл всего Акунина!) критикует «совок», с его «дефицитом всего, даже книг»:

– Уж книги – то что стоило напечатать?!

– Да, – соглашаюсь я, – ещё и поэтому мы читали бессистемно. Не то, что хочется, а то, что «достанем». На что подошла очередь в библиотеке. НО... когда читаете, обращаете ли вы внимание на тиражи? Маленькие цифры на последней странице?

– Нет...

– А какая книга за последние годы была самой «тиражной»?

– «Гарри Поттер», наверное?

Снимаем с полки «Гарри», выпущенного таким тиражом, что хватило всем желающим, и ещё осталось. Тираж – 200 тысяч. Таким же оказался тираж и Акунина.

– Предел?

– Предел.

– А теперь посмотрите тираж любой книги советского издания. Любой!

Взятой наугад книжкой оказались «Мифы древней Греции». Тираж – миллион пятьсот тысяч. Надо было видеть недоумение... парнишка решил, что это опечатка, и кинулся смотреть тиражи всего подряд! Минимальным оказался тираж «Басен» Крылова – 800 тысяч, но они переиздавались каждый год, а максимальным...

Налюбовавшись эффектом, подсказываю снять с полки трёхтомник Пушкина. ТРИ МИЛЛИОНА ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ, и это – «дополнительный тираж»!

– И какой же сделаем вывод?

– Читали... не хватало... а теперь есть всё – а не читают...

1996 год. Кто помнит, тем ничего объяснять не надо – время всеобщей нищеты и растерянности.

В маленьком южном городке возле пляжа дама интеллигентного вида (учительница?) разложила на коврике книги. Явно, свои – распродаёт домашнюю библиотеку: Пушкин, Чуковский, Олеша, Линдгрэн, Жюль Верн, Тургенев... Мимо пробегают девчонки студенческих лет. Взглянули – и рассмеялись:

– Кто сейчас это читает?!

- Девушки, вы так молоды... у вас ещё нет своих детей?
- Нет...
- Когда будут, сами убедитесь: на других книгах их воспитать просто НЕВОЗМОЖНО!

Изменилась жизнь и совсем другие дети? С этим можно и поспорить, и согласиться. Но когда пятнадцатилетний парень не воспринимает «реал» вообще никак потому, что прочно прописался в «виртуале» – многие ли сочтут это нормальным? Горько улыбнёшься, услышав рекомендацию школьного психолога «и не вытаскивать его из компьютера, а то вообще сойдёт с ума». Хотим или нет, а жить – то всем нам среди людей.

И по-настоящему поражаешься тому, как мало меняются люди. Они одни и те же от начала времён! По крайней мере «нормальные» – те, о ком создана вся мировая литература. От мифа, афоризма, сказки – и до наших дней.

Пройдёмся же по страницам русской классической литературы – убедимся, насколько она – один большой ответ на большие вопросы современности!

Русское средневековье. X – XVII века Нашей эры

Литература нашего средневековья не знала талантов масштаба Данте – Сервантеса – Шекспира. Но грешно было бы говорить о её «бездарности» – ведь влияние её на современников было ничуть не меньшим. Воспитание нации!

А ведь в основном «малая форма» – афоризмы, поучения, жития. И хождения.

Афоризм – жанр, неспособный ни устареть, ни надоесть. Лучшее чтение на ночь – короче анекдота, мудрее философского трактата.

Мы привычно произносим «Не рой другому яму – сам в неё попадёшь», «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти» или «Старого учить – что мёртвого лечить», не подозревая, что этим изречениям несколько тысячелетий, а значит, они старше и России, и русского языка!

Народ – великий переводчик, он придал предельно краткую, совершенную форму тяжёловесным изречениям греков и римлян: «Копаящийся яму под ближним своим упадёт в неё сам». «Лучше с умным таскать камни, чем с бесноватым пить вино». «Старость и глупость – две язвы неисцелимые».

Из афоризмов, превращенных в поговорки, и была составлена одна из самых любимых книг на Руси – **«Пчела»**. Ясно, почему она так называлась: и первый её составитель, монах Антоний (в 1 веке Нашей эры), и все последующие не стеснялись пополнять сборник афоризмами из самых разных источников, подобно тому, как пчела собирает свой мёд со всего разнотравья. На русский язык «Пчела» переведена в конце 12 века. Кроме античных авторов и цитат из Священного писания, «Пчела» была дополнена выдержками из сочинений отцов церкви, житий, хождений и наставлений.

Были и другие сборники афоризмов – **«Менандр»**, названный так по имени древнегреческого драматурга, жившего за три столетия до Н. Э. Как подсказывает название, сборник почти целиком состоял из высказываний античных авторов, от Гомера до Эзопа:

«Нет имущества дороже друга», «Получив добро – помни, сделав – забудь», На море хорошо глядеть с берега»...

А **«Изречения Исихия и Варнавы»** – цитатник более поздний, христианский:

«Мутный разум не родит ясного слова», Конец дела обдумывай перед началом», «Лень – мать всякого зла»...

Именно по афоризмам мы можем проследить, в какой именно момент родилась русская литература – тогда, когда среди переводных изречений стали попадаться новые, оригинальные, не имеющие аналогов у западных авторов – русские! Десятый век.

«Новое хорошо, а старое – лучше», Конь познаётся в бою, друг – в беде», «Не знаешь, как спастись? Не делай другому того, что самому не любо!»

Поговорка – словесный алмаз – жанр, как принято считать, анонимный. Автора установить невозможно почти никогда. А вот авторы афоризмов, как правило, известны. «Истинно,

век наш – есть век золотой: золотом купишь почёт, и власть, и нежную страсть!», " Деньги ныне в цене – бедняк не нужен нигде», «Власть ходит дурными путями, кривыми ногами, со слепыми глазами». О каком это веке?! О шестнадцатом. Автор – боярин Фёдор Карпов, один из приближённых Великого князя Василия Третьего (отца Ивана Грозного). А сам грозный царь справедливо считается лучшим писателем своего века, хотя вряд ли он мечтал о литературной известности. Но язык его краток, меток и афористичен:

«Хочешь легко победить страну – начни кормить её своей пищей». Каково?! Это сказано за четыре столетия до импортного изобилия на наших прилавках

«Если вы злы, то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему же вы не творите так же добра нашим детям, как и своим?» – вечный вопрос к нерадивым педагогам? Или к равнодушным правителям?

«Всё, что ни случилось с нами плохого – всё это происходило из-за германцев.» – а вот это без комментариев.

Жития

Порой трудно понять, что интересного находили наши предки в том или ином фантастическом рассказе, написанном задолго до «изобретения» фантастики, а порой наоборот удивляешься «непреодоляемости», современности русских характеров – в рассказах невыдуманных.

Вот, например, **Ефросинья Полоцкая**. Княжна. Иными словами, человек, которому все блага жизни были положены по праву рождения.

Ещё ребёнком она задумалась о том, как помочь бесчисленным жертвам татарских набегов, и прежде всего – осиротевшим детям. Отдавала им свои карманные деньги, уже понимая, что разовая помощь – это капля в море...

В 13 лет её, единственного ребёнка в семье, надежду родителей, просватали за соседнего князя.

И тогда Ефросинья тайно, ночью убежала в монастырь, где настоятельницей была сестра её отца. Рассказала, что лучшей помощью сиротам было бы – обучить их грамоте (грамота тогда сама по себе была профессией), но можно ли этим заниматься княгине?

– Нет, – ответила тётушка, – у княгини совсем другая жизнь. Это занятие для монахини.

– Тогда я стану монахиней!

Тётушка не хотела ссориться с её родителями, и объяснила, что до 16 лет девочка не вправе располагать собой. Отказаться от замужества может, а уйти в монастырь – только через три года, если не передумает.

Родители были вынуждены согласиться, расстаться с мечтами о внуках. Через три года они отправили дочь в монастырь... на возу книг. Отдали ей библиотеку.

Ефросинья завела школу для тех, кто в наибольшей опасности – для девочек. И настолько успешно, что уже через несколько лет в её школу потянулись и мальчики, и взрослые!

И тогда монахиня придумала гениальный выход: она предложила взрослым разобрать выпускников по семьям, чтобы каждая семья обучила их своему ремеслу. А они «расплатятся», обучив приёмных родителей грамоте!

Прожила княжна-монахиня очень недолго, чуть более 30 лет.

Обычно новых святых канонизируют через полвека после смерти, не ранее, но здесь – получилось сразу, стихийно! Благодарные полочане заказали её «персону» – портрет, и повесили в церкви. Церковь согласилась. Причислили к лику святых.

Вся литература русского средневековья – ответ на вопрос, зачем жить и как жить. О смысле жизни.

Очень долго в ней не было персонажей, явно выдуманных: старались писать о людях реальных. Цари, князья, бояре. Жития Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского (просветителя народа Коми). Если среди подвижников были и люди простого звания – значит, их роль в воспитании нации признавалась ничуть не менее достойной.

Порой безвестные авторы повторяются: если полководец – описание воинских доблестей князя Александра можно дословно позаимствовать из жизнеописания Александра Македонского, вплоть до того, что князь, как и древний царь, «ликом зело красен», то есть красив. Если это святой отшельник – ему непременно будут служить звери. И никто не считал такие штампы плагиатом – просто был канон, каких святых как изображать. Канон почти такой же строгий, как в иконописи.

Тем интереснее нам немногие жития, написанные очевидцами – расхожих штампов в них нет. Есть реальные обстоятельства времени.

«Житие Ульянии Осорьиной» в этом отношении просто уникально.

Боярышня Ульяния из города Муром, даже будучи ещё шестилетней девочкой, не понимала, как можно впустую тратить время на песни-пляски и детские игры? Она словно спешила научиться тому, что умеют большие: прясть, ткать, вышивать... И очень жалела нищих, но чем тогда она могла помочь? Разве что куском хлеба.

А уже в шестнадцать выдана была Ульяния за боярина Георгия, богатого и доброго. Боярин был очень занят на царской службе, отлучался и на год, и на два, и молодая жена, не желая быть доброй за чужой счёт, стала продавать свои рукоделия – и кормить беспризорных детей. Этого казалось мало, и порой она забирала для них пирог-другой со стола. Наконец, свекровь удивилась:

– Раньше ты ела, как птичка, а теперь – за троих?

– Сама удивляюсь, – ответила Ульяния, – это после рождения детей всё есть хочется. Даже ночью хочется, да просить неудобно...

Свекровь была мудрой. Она отдала Ульянии ключи от погребов, и приказала отныне ведать припасами самой.

– И не жди, пока к столу позовут – ешь, когда хочешь.

Вскоре великая беда постигла Русскую землю – голод. Из восьми лет царствования Бориса Годунова шесть были не просто неурожайными, а – катастрофой! Небывалые морозы, засуха, ливни – великий божий гнев. Дело доходило до людоедства.

Боярыня Ульяния пыталась угождать богу – отказалась от всех плотских радостей. И голодала, и спала на досках, для пушей жёсткости подложив под рёбра связку ключей, и с мужем решила жить, как с братом... Хотела даже уйти в монастырь. Но сама поняла, что так горю не поможешь. Надо не ждать чуда, а делать его самой. Муж вскоре умер, а вдова – сама себе голова.

И Ульяния узнала от стариков всё о съедобных травах. Вместе со слугами она сделала запасы, и стала добавлять эти травы в тесто – печь хлеб для голодных. К ней приходили те, кто мог добраться: «Нет хлеба слаще, чем у этой вдовы!» Подкрепив силы, люди спешили в Москву: там царь развернул невиданное строительство, чтобы дать работу всем. Но некоторые оставались – чтобы вместе с Ульянией работать. Создавать запасы рыбы, птицы, зверя – всего, чем можно подкормить людей, умирающих на дорогах.

А рабов своих Ульяния насильно не держала – дала волю всем. Может, где – то и найдут лучшую долю.

Но как ни тяжело было испытание, никто никогда не видел, чтобы боярыня Ульяния позволила себе отчаяться, упасть духом, опустить руки. Со всеми приветлива, улыбчива, она умела вселить спокойную уверенность в каждого.

И не дожила ведь она до конца этого ужаса. Помогла дожить другим – и не дожила сама.

Повесть об Ульянии написал её сын, Дружина Осорьин. Это – самое удивительное объяснение в любви к матери: сын ведь не пишет о любви матушки к нему, вообще нигде не упоминает себя. Для него куда важнее её любовь к людям, чужим по крови, её душевное беспокойство за всех несчастных, её неспособность быть сытой и счастливой, когда вокруг – беда.

Но интереснее, ярче всего духовный облик человека семнадцатого столетия – в **«Житии протопопа Аввакума»**. Потому, что написал эту книгу сам Аввакум. Едва ли не единственная во всей житийной литературе автобиография.

Что мы знаем об этом человеке из краткого упоминания в учебнике истории? Только то, что он был ярким приверженцем старой веры, и врагом патриарха Никона. Но Никона поддерживал сам царь Алексей Михайлович – и после многолетней ссылки, в забытом самом богом Пустозерске, неистовый протопоп был сожжён. Вместе с двумя единомышленниками. В деревянном срубе.

Но писать ему не запрещалось – и незадолго до страшного конца Аввакум вспоминает свою жизнь. Отец был «привержен винному питию», зато мать – праведница. Самое сильное впечатление детства – умершая корова. Мысль: «Я тоже умру!» словно осветила тьму, сделав жизнь – стремлением к цели. А цель – правда.

И когда мать объявила, что хочет его женить, он задал единственный вопрос: можно ли с этой женой жить по правде? Оказалось, можно: мать и выбирала девушку честную, и с характером. Не беда, что это – бедная сиротка.

Став попом (именно так Аввакум свою должность и называет), слушая исповеди своих шестисот прихожан, иные из которых отягчены грехом блудным, сам, «врач треокаянный», воспалялся, но спасала молитва. Нелюбострастный, нестяжательный, независтливый поп очень не нравился начальству, но сдержанная неприязнь перешла в открытую вражду после того, как начальник Ефимий «силой взял себе вдовью дочь». На требование Аввакума вернуть девицу домой начальник приказал своим людям избить мятежного попа. Перестарались – избili до потери сознания. Ефимий, увидя это, испугался – и вернул девочку матери. Не простил своего поражения – решил сжить Аввакума со свету. Дом у него отнял, стрелял в него – а пищаль волей божьей дважды дала осечку. Тогда, потеряв голову от бешенства, начальник вцепился зубами в руку Аввакума, «огрыз, яко пёс». Но на все его, мягко говоря, слова, Аввакум отвечал только: «Благодать в твоих устах да будет». Нравы духовенства – залюбуешься!

Кончилась история неожиданно: заболел начальник, покаяться решил. Аввакум не стал ему высказывать всего, что хотелось – вылечил. С божьей помощью, конечно.

И это только начало повести. Таких начальников – в каждом остроге, в каждом городишке. Если есть возможность безнаказанно издеваться – исполнители найдутся всегда. Запереть без еды – это в порядке вещей. Действительность и видения, случалось, сливались до пол-

ной неразличимости – вот как это могло быть, чтобы к голодному узнику явился ангел с хлебом и миской щей?! Дверь оставалась закрытой – но это не диво, для ангела замки – не преграда. Диво то, что щи были настоящие – и очень вкусные.

Всегда найдутся добрые люди, которые помогут. Все ведь знали, за что именно сослан мятежный протопоп, и сочувствовали многие.

И ничто не могло заставить Аввакума отступить от борьбы за «старую веру» – писал и писал обличения и воззвания. До последнего дня.

А семья? Протопопица Анастасия Марковна поддерживала мужа даже там, где он готов был отступить: «Я тебя благословляю – обличай блудную еретическую! А о нас не тужи.» «О нас» – это ведь и о детях, разделивших с родителями и ссылку, и земляную тюрьму. Двоих похоронили. Но только раз и пала духом жена – когда пришлось идти пешком из одного острога в другой. Зимой, по льду. Упала – да и говорит: «Долго ли ещё муки сей будет?!» И ответил Аввакум: «До самой до смерти, Марковна». Протопопица взяла себя в руки – встала: «Добро, побредём ещё»...

Но никакие беды не помешали Аввакуму увидеть мощную, богатырскую красоту Сибири. Увидеть – и восхититься. И с похвалой отозваться о хороших людях, которые помогали, чем могли. И даже с любовью рассказать о чудесной курочке, которая вместе с ними кашу клевала, и так выручала его детей – по два яичка на день давала!

Захочется ли теперь, через несколько столетий вникать, в чём протопоп был прав, в чём – нет? Но не устаёшь восхищаться мощью и великодушием, силой и нежностью, русского характера.

А встречи с царём были – но разговора не получилось. Похоже, царю «другая правда» просто не была интересна.

А вот историю **Афанасия Никитина** ещё сравнительно недавно знали все: отношения с Индией были дружескими, и о русском купце, побывавшем в Индии, сняли чудесный советско-индийский фильм «**Хождение за три моря**». Именно так Никитин назвал свой путевой дневник. И цитировали этот дневник в учебниках истории, как у нас, так и в Индии.

Дело было в 1469 году. Тверской купец, энергичный и любознательный, побывал в Польше, Литве, Царьграде – но богатства не нажил. Зато узнал у торговых людей, откуда берутся пряности, шелка, самоцветы, алмазы... Появилась мечта – попасть на родину этих чудес – в Индию. Но как, не имея своего каравана, преодолеть степь, пустыню, два моря? Часть пути – по Волге до Каспия – удалось проделать с посольством. Но в Дербенте – ограбили! Дальше – хоть пешком... Целую зиму Афанасий проработал на добыче нефти в «Баки» – добывали из лунок вёдрами. С весной, с попутным караваном – в Ормуз.

Эта часть пути оказалась страшной – пустыня. «Солнце вельми варно, парище лихое, люди мёрли с безводицы, а нет воды, только глазам видится обманно». Никто из русских ещё не видал миражей... И вот – Индия! Сказка оказалась вблизи ещё удивительнее, чем представлялась, да только жизнь здесь совсем не сказочная.

Прежде всего, Афанасий отмечает, что перец, и краски, и камни – всё здесь дешево, но дорого перевозить по морю, к тому же очень часто грабят разбойники, поэтому за морем всё продают басурманам дорого. А путей на Русь здешние купцы ещё не знают. Есть здесь остров-гора, называется Цейлон – он весь из агатов, бирюзы да алмазов, и алмазы здесь можно купить от пяти до десяти рублей за штуку, а продают и за теньге, и за фунты. Кони в Индии не рождаются, а только буйволы – на них и ездят, и возят. А вельможи – на слонах. Эти гиганты, у которых «на рыле хвост», везут на спине целый домик с десятком людей! Это был выезд местного раджи.

В Индии наш соотечественник прожил три года, и повсюду, куда бы ни забрасывала его судьба, записывал всё, что казалось ему примечательным, необыкновенным. Потрясло то, что люди здесь не едят ни мяса, ни рыбы, хотя коровы и свиньи у них есть. Практически не носят одежды. У них нет кладбищ – покойников здесь сжигают, а пепел – в реку. Родят всякий год, детей много. Молятся здесь удивительным богам – иной с головой обезьяны, иной с носом слона, а если люди – так с десятью головами да с дюжиной рук... Индусы не таились от чужеземца, видно, Афанасий умел расположить к себе людей, если уж они показали ему даже свои богослужения в подземных скальных храмах. С не похожей ни на что архитектурой, со скульптурой, покрывающей стены сплошным рельефом.

Но как русского удивляло, что все здесь черны – и мужи, и жёны – так и местные жители просто не могли опомниться от удивления, впервые увидев белого человека. Ходили за ним толпой – разглядывали...

Это потом историки выяснят, что Афанасий Никитин оказался одним из первых, если не самым первым европейцем в Индии – за тридцать лет до итальянца Васко да Гамы!

Многоликой оказалась Индия – разглядел Афанасий, что здесь – разные племена, с разными обычаями. Но контраст дворцов и хижин поражал везде. И родимую рожь растить оказалось куда легче, чем здешний рис – по колено в воде под беспощадным солнцем – да целый день внаклонку! Народ выживает, как может, а не может – так и не выживает. И разве это трудно понять лишь потому, что молятся здесь другим богам?

А вот разбогатеть так и не получилось – есть такие люди, которым деньги не даются...

Последние строчки дневника – о тоске по родине: «Нет на свете земли, подобной ей!»

Это ещё не о России – о Руси. Небольшой, лишь совсем недавно объединённой под властью Москвы, и всё ещё платившей дань Орде.

Но патриотизм – прямо имперский. И задолго до Никитина Русь мыслилась, как страна, которая может быть только великой – или никакой.

Это тогда, когда ещё не было на карте ни Германии (на её сегодняшней территории было до 200 «государств»), ни Франции (были «Бургундия – Нормандия – Пикардия...»), ни Италии (были Генуэзская республика, Неаполь, Флоренция...) Но Русь была Русью и в тринадцатом веке! Можно ли в этом усомниться, читая чудом сохранившуюся страницу из не дошедшей до нас рукописи **«Слово о погибели Русской земли»**:

«О, светло светлая и украсно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, – всего ты исполнена, земля Русская!»

А «погибель» – это Батыево нашествие. Сколько же было таких погибелей и воскресений! О многих победах и поражениях знаем лишь благодаря былинам и легендам, проверить которые почти невозможно: письменная история у нас гораздо короче, чем нам бы хотелось.

И не бравурные фанфары, а горечь поражения – и мужество жить дальше, для будущих побед – в поэме, ставшей символом и едва ли не синонимом понятия «древнерусской литературы».

Слово о полку Игореве

Не так уж мало книг вызывают споры: когда они написаны и кем? Случается, что автор не датирует своё произведение, подпишет псевдонимом, а книга окажется шедевром – вот и возможность для потомков ломать копыя и защищать диссертации.

Но только одна книга в нашей литературе породила целую исследовательскую библиотеку, порождённую попытками ответить на вопрос: в каком веке она написана? В XII, XVI или XVIII?! Это – «Слово о полку Игореве» – поэма о неудачном походе на половцев Игоря, князя Новгород-Северского.

XVIII столетие – век рождения новой России. Русский век. А когда страна на таком подъёме, неизбежно возникает интерес к собственной истории. Но российскую историю ещё только предстояло написать, воскресить из забвения, собрав по крупицам летописи, существующие, как правило, в единственном экземпляре. В монастырях на огромном пространстве – от Смоленска до Байкала.

Первым занялся этой титанической работой академик Готфрид Вильгельм Миллер – добрался с экспедицией до Якутии. И не устал поражаться, в каком жалком состоянии монастырские книгохранилища: в подвалах, заливаемых водой, в комнатах без стёкол в окнах... Старинные фолианты хранили словно бы по привычке, не предполагая, что «хлам веков» может ещё кому-то пригодиться. Ужасная сохранность книг – это ещё полбеды: пергамент долговечен. Хуже всего то, что из книг нередко вырывали листы, счищали написанное – и бесценные страницы превращались в хозяйственные записи.

Но теперь русская старина заинтересовала многих и многих: в монастыри ринулись любители. Коллекционеры. Украсить домашнюю библиотеку старинной летописью – это стало модно и престижно. Поскольку их всё-таки читали, это – лучшая мода на свете. Но... случалось, что половина рукописи окажется у одного коллекционера, половина – у другого!

Указ Екатерины Второй от 1791 года «О собирании из монастырских архивов и библиотек всех древних летописей и других до истории касающихся сочинений» положил конец этой любительской археологии. Теперь все монастырские рукописи должны были поступать в Москву, в Центральный архив. В распоряжение графа Алексея Ивановича Мусина – Пушкина, страстного собирателя старины и крупнейшего специалиста. Именно ему удалось «откопать» Лаврентьевскую летопись Нестора, один из списков «Русской правды», «Поучение» Владимира Мономаха...

Вокруг Мусина-Пушкина образовался тесный круг любителей старины: историки Карамзин, Бантыш – Каменский, Малиновский и другие. Именно они подготовили к печати нечто,

уникальное по красоте и значимости – «Слово о полку Игореве». Единственный экземпляр рукописи, найденный в хранилище, предположительно, Кирилло-Белозерского монастыря.

Увы, придётся упомянуть и о том, что коллекционер совсем нередко, пользуясь должностным положением, просто забирал лучшие находки себе. В домашнюю библиотеку. Правда, завещал их Московскому университету, но расстаться со своими сокровищами при жизни – не мог. И уже само по себе то, что единственного списка почти никто не видел, сразу породило подозрения и предположения...

Поверить, что литература ТАКОГО уровня могла быть ещё в домонгольской Руси? Проще предположить, что «Слово»... сочинил сам Мусин-Пушкин при содействии компании друзей-историков! Это подозрение, впрочем, отпало – не было тогда в России ни одного поэта, способного написать поэму на древнерусском языке. Вообще мало кто знал, чем отличается древнерусский от церковно-славянского. Но вопросы остались... Отдельные цитаты из «Слова» найдены в рукописях XVI века – не означает ли это, что неведомый автор цитировал сам себя? Написал «Слово» – и использовал наиболее удачные пассажи в других своих сочинениях?

А если это действительно 1185 год – кто мог быть автором, почему имени столь крупного поэта мы не знаем? Предположений десятки – «возможными авторами» считались чуть не все удельные князья, и члены их семей, и Великий князь Киевский Святослав, и даже... сам князь Игорь. И ни одну из этих гипотез не получилось ни подтвердить, ни опровергнуть. Быть может, подлинник рукописи и прояснил бы хоть что-нибудь, но увы... В великом Московском пожаре 1812 года архив Мусина-Пушкина сгорел. Весь. Не смогли вывезти? Или до последнего не верили, что в Москву войдёт неприятель?

Много лет спустя дочь Мусина-Пушкина заявила, что отец подготовил свои коллекции к эвакуации, но – не успел, и пришлось спустить сундуки в подвал. А французы их там нашли и разграбили. Хотелось бы в это верить – ведь разграбленное всё же где-то есть, а значит, есть и надежда. Пока же приходится считать подлинником первую публикацию 1800 года.

Взглянем на карту сегодняшней Украины. К северо-востоку от Киева, в Черниговской области, маленький городок Новгород-Северский. Некогда здесь жило племя, которое так и называли – «северяне». Не у северного полюса, а просто чуть севернее Киева. Здесь-то и была вотчина князя Игоря.

Какой же была его дружина, сколько человек? Армия – это 5% населения. Если и сегодняшний Новгород-Северский никак не выставит более 500 штыков, то в 1185 году – сколько? 150 – 200?! Тогда ясно, почему князь, мечтавший прославиться, всё же не выступил на половцев один – пригласил к славе своего брата Всеволода, князя Курского. С курским воинством.

*Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждёт.
Молвит буй тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат,
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят...*

Но кто же был их противником, кто такие половцы? Это – одна из загадок истории. Откуда пришли, что означает их название, каким богам поклонялись? Куда исчезли так же внезапно, как и появились? Версий много, ясности – мало. Несомненно лишь то, что народ был кочевой, тюркоязычный, и что основу их «экономики» составляли грабежи и работорговля. Терроризировали Киевскую Русь двести лет.

Выступить навстречу противнику, воевать на его территории – решение мудрое, но... столь скромными силами? Несложно было предвидеть исход авантюры!

*Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонёнцу.
Сядем, братья, на лихих коней,
Да посмотрим синего мы Дону».
Вспала князю эта мысль на ум —
Искутить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу переломить
В половецком поле незнакомом.
С вами, братья, голову сложить,
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»*

Лёгкой оказалась победа над передовыми отрядами половцев, и богатой добыча. Захватили и половецких дев, и золота без счёта, и каменье, и шелков. Сам же князь взял себе только то, что подобает князю – вражий стяг и серебряное копье. Ободренные успехом, устремились русичи к Дону – навстречу основным силам половцев. Итог этой встречи известен даже тем, кто не читал «Слова» – картину Васнецова видели все.

В опере «Князь Игорь» А. П. Бородин – автор и музыки, и либретто – сместил акценты, превратив произведение злободневное для своего времени, политическое – в былинную, вневременную сагу о русском богатыре. В сюжете появились изменники, соперники, мятежники, и даже побочная сюжетная линия – любовь половецкой княжны Кончаковны к пленному русскому ратнику. Могучая богатырская музыка совершила превращение повести о горечи поражения – в патристическую песнь о будущих победах. Получилось самостоятельное произведение, прекрасное, но – сильно «по мотивам».

«Слово» – это всё-таки об ужасе поражения. Кто виноват?!

*Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев, Задымилось поле под ногами, И взойшёл великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.
Игорь – князь и Всеволод отважный, Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!*

Плачет о своих детях великий князь Святослав, и призывает он черниговцев, суздальцев, ярославцев, галичан... что же вы, храбрые князья?! Отомстите поганым!

А князья дружин не собирают.

Не идут войной на супостата.

Малое великим называют,

И куют крамолу брат на брата.

А враги на Русь несутся тучей,

И повсюду бедствия и горе...

И от края, братья, и до края

Пали жёны русские, рыдая:

«Уж не видеть милых лад нам боле,

Кто разбудит их на ратном поле?»

И молодая Ярославна, жена князя Игоря, взывает к силам природы – ветру, Днепру, Солнцу – помогите!

Днепр мой славный! Каменные горы

В землях половецких ты пробил,

Святослава в дальние просторы

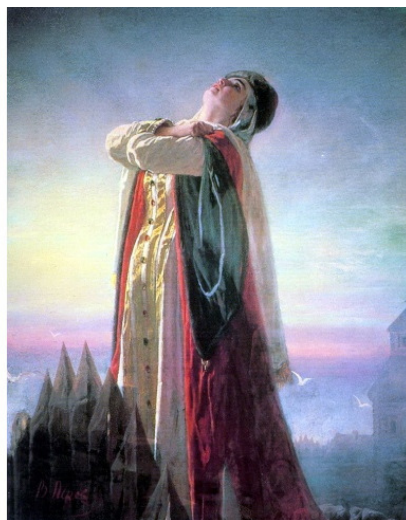
До полков кобяковых носил.

Возледей же князя, господине,

Сохрани на дальней стороне,

Чтоб забыла слёзы я отныне,

Чтоб живым вернулся он ко мне!

Солнце трижды светлое, с тобою

Каждому приветно и тепло.

Что ж ты войско князя удалое

Жаркими лучами обожгло?

И зачем в пустыне ты безводной,

Под ударом грозных половчан,

Жаждою стянуло лук походный,

Горем переполнило колчан?

Плач Ярославны – вершина древнерусской лирики. Высказывались даже сомнения – да мог ли этот страстный монолог любящей жены написать мужчина? Есть версия, что автор если

не всего текста то, по крайней мере, этого отрывка – Болеслава, княжна киевская. Она тоже потеряла своего ладу...

(Поразительна память народа: давным-давно исчезло из языка слово «лада» – любимый, Тот, с кем живётся ладно. Но кто же из нас не знает детской песенки «ладушки-ладушки» – любимчики – любимчики!)

Мольба услышана, и реки, ветры, птицы указывают беглецу дорогу на Русь. Домой. Как в сказке, Игорь превращается то в сокола, то в горноста, то в серого волка – не догнать его половцам, не вернуть!

Мрак стоит над Русскою землей:

Горько ей без Игоря одной.

Но восходит солнце в небеси:

Игорь – князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,

Через море в Киев долетая.

По Борищеву восходит, удалой,

К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,

И веселы грады.

Набатный призыв к объединению русских сил – вот чем было для современников «Слово». Было ли оно услышано? Судя по тому, что никто из князей не поддержал никого против Орды – нет.

Интересный штрих – если бы князь не поспешил с благодарностью за своё возвращение к Богородице Пирогощей (церковь в Киеве), читателю, пожалуй, и не догадаться бы, что герои поэмы – христиане. Их мир населён божествами, ныне забытыми – Див, Стрибог, Карна, Желя... Силы природы – тоже божества, их можно просить о помощи – и ведь помогают! А самое удивительное – имена персонажей не христианские. Разве только у Ярославны – Ефросинья. Но, видно, чуждое русскому слуху имя автору не нравится – не упоминает, упорно называя жену Игоря только по отчеству.

А ведь речь идёт о князьях – о верхушке общества, которое приняло христианство за двести лет до написания «Слова». Вывод? Не было триумфального шествия новой веры, приживалась она долго и трудно.

Поэме без малого девятьсот лет, язык с тех пор изменился настолько, что приходится её переводить с русского на русский.

Задача интереснейшая, переводов сделаны десятки. Жуковский, Лихачёв, Сулейменов, Бунин, Гумилёв, Бальмонт, Набоков, Евтушенко, Верещагин...

Но перевод Николая Алексеевича Заболоцкого оказался, очевидно, самым удачным, если именно он стал самым популярным, самым предпочтительным для читателей. Станет ли он окончательным?

Время покажет.

Временные рамки Древнерусской литературы – огромны: 700 лет! При желании можно разбить её на периоды – домонгольский, новгородский, московский. Но стоит ли? Ведь во всех её видах и жанрах, от эпоса до афоризма, от жития до хождения – одна и та же картина мира. Он вечен, он неизменен, а жизнь человека – приближение к однажды данному образцу. И образец этот – Иисус Христос, главный персонаж литературы Руси. Подразумевается даже там, где не назван по имени – идеал несовершенного мира.

А несовершенен мир потому, что дан человеку, как школа, как возможность взрастить собственную душу. «Спасись сам – и тысячи вокруг тебя спасутся». Можешь становиться лучше – тогда ты интересен господу, тогда и заслужишь посмертную судьбу.

А изменять мир – затея безнадежная, да и безумная: «Что делалось – то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем».

Но Вселенная сорвалась с «круги своя», когда вместо 7208 года вдруг наступил 1700...

Русский классицизм. XVIII ВЕК

«Человек для государства, или государство для человека?!»

Сегодняшняя либеральная эпоха уверенна: Человек – ценность абсолютная. И именно для служения ему создан чиновничий аппарат – государство. Но наши «отсталые» предки, жившие в блистательном восемнадцатом веке, были уверены в обратном! Не было для них большей ценности, чем государство. Отечество. Родина. И человек был ценен именно как гражданин. Сын отечества. И народа российского.

ПОТОМУ, ЧТО БЕЗ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НЕВОЗМОЖНА НЕ ТОЛЬКО СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА, НО И САМАЯ ЕГО ЖИЗНЬ – СОЖРУТ СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ!

«За отечество я людей своих и себя не щадил – пощажу ли тебя, непотребного?» – воскликнул Пётр в письме к сыну, ожидавшему своей очереди на трон совсем не для того, чтобы трудиться.

А обращение к армии перед Полтавской битвой? «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество...»

Как же это бесконечно далеко от европейского, французского, монаршего «Государство – это я»...

Но если государь... сойдёт с ума? Если его воля разойдётся со «славой и пользой», что делать верноподданному? Остаться ли верным государю, или... предать его ради интересов России? Поразительно, но и такую коллизию Пётр предусмотрел. И потребовал от подданных выбора в пользу России. Если, например, государь окажется в плену – ни один его указ более не действителен. Придётся действовать самим – разумно и ответственно. Но ведь для этого следовало воспитать целое разумное и ответственное поколение...

Противников петровских реформ мы привыкли представлять себе только и исключительно такими, как в легендарном фильме «Пётр Первый». Там бояре настолько наглядно-дремучие, что из сплошных зарослей выглядывают одни глаза. И рассуждают они, оглаживая бороды:

– Что до нас положено – лежи оно вовек! Деды наши без наук жили, а поумнее нас были!

– Тем и славна была Россия что, прикрывши срам лица бородою, аки голубь в святом неведении, возносила молитвы!

Зрителю ясно: если не переломить ТАКУЮ инерцию – не будет России. Но...

Все ли консерваторы петровских времён просто отказывались мыслить? Пользоваться собственным мозгом? Или в упрямстве хотя бы некоторых из них была своя логика? Была!

Был задан вопрос, ответа на который у Петра не было: если церковь отныне подчинена государству (по понятиям того века унижена настолько, что высшим авторитетом быть более не может), в какой системе ценностей должен жить народ? Кто сможет взять на себя роль поводыря, наставника, нравственного авторитета? А если НИКТО (ведь и царь на эту роль не подходит) – не станет ли дозволено ВСЁ?!

Такие сомнения отравляли жизнь людей мыслящих за полтора века до Достоевского. Но не было у царя ни времени, ни возможностей объяснять, перевоспитывать, наглядно показывать «учения пользу». Он полагался на силу указа: «Неграмотных отнюдь не женить – дураков не плодить!»

А грамотным надлежало вручить книгу с чёткими и ясными инструкциями, как выстраивать свою жизнь – карьеру, дружбу, дела сердечные. Как вызвать у людей симпатию к себе или, хотя бы, не вызвать безотчётного отвращения. Ставка была сделана на новое поколение, на детей – это вокруг них дворяне обязаны были выстроить «Европу» во всех мелочах: от одежды до круга интересов, ещё недавно невозможного – танцы, театр, искусства, науки, радение о пользе государства... Новый человек обязан, прежде всего, много читать.

Перед нами подростковый бестселлер восемнадцатого века – **«Юности честное зерцало»**.

Простудировав и запомнив эти «показания к житейскому обхождению», можно было смело отправляться из любого медвежьего угла – покорять столицу!

Первейшее требование – отца и мать в великой чести содержать. Не заноситься и не самоуничижаться, за глаза о людях говорить только хорошо, особенно о недругах. На слуг не слишком полагаться, честных слуг ценить, но во всё вникать самому. Не ругать никого и никогда, разве только тебе это поручит родитель – но и в этом случае передай бранные слова спокойным тоном.

Добродетель отрока (подростка) – трудолюбие и любознательность, а погибель – пьянство, блуд и «играние». Причём погибель не только ему самому, но и его родителям – дом погибнет из-за бесчестья. Приветливость и учтивость хороши, когда непритворны, а дерзость и смелость – совсем не одно и то же. «Вежливу быть на словах и шляпу держать в руках не убыточно. Лучше о ком скажут: «Он есть молодец, смиренный кавалер, нежели спесивый болван». А вот любопытство до чужих дел – недопустимо. И разговоры о том, что тебя не касается – тоже.

Некоторая доля хитрости при дворе не лишняя, иногда здесь лучше промолчать, чем что-то сказать. Ведь соперничество за чины-звания – это игра, в которой бесчестный человек может тебя обыграть, если ты сам разболтаешь ему свои планы.

Смелость, отвага необходимы – ведь не высокий род, не заслуги предков ценны в глазах государя, но только собственные поступки. Однако даже самые лучшие душевные качества могут остаться незамеченными, не оценёнными, если человек не умеет, например, вести себя за столом. Если его соседа тошнит при виде его манер.

«Над ествою не чавкай, как свинья, и головы не чеши, не проглота куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать кашлять не пригожо... не замарай скатерти, и не облизывай перстов, около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и протчаго.» Элементарно? Что поделаешь – именно с этого пришлось начинать. Но очень многое актуально и сегодня. Например:

«Никакое бесполезное слово, или непотребная речь да не изыдет из уст твоих. Всякой гнев, ярость, вражда, ссоры и злоба да отдалится от тебя.»

Только так станешь «прямым придворным человеком», полезным государю и Отечеству.

Автором «Зерцала» называют Петра Великого, хотя он мог быть только соавтором этой книги – составлял её вместе со своим сподвижником Яковом Брюсом. Но то, что государь руку приложил – точно. Разве в метких, хлёстких, остроумных наставлениях не слышится его голос?

До тонкости продумал государь, какие ему нужны соратники. А... соратницы? Пришлось дать наставления и девочкам. У самого ведь две дочери – царевны. Какими же Пётр хотел видеть их?

«Охота и любовь к слову» – к чтению и письму – это обязательно. Да, девочкам не делать карьеру, но грамотность им нужна для познания божьей воли. Для понимания, почему надле-

жит почитать родителей, любить ближних, почему в глазах людей так ценна всякая добродетель и чистота – телесная и душевная.

Очень украшают отроковицу трудолюбие, милосердие, целомудрие, приветливость и... молчаливость, то есть сдержанность. Прежде, чем что-то сказать, подумай, не лучше ли промолчать да послушать, «понеже человеку дано два уха, а рот – один».

Как мужские, так и женские добродетели – «правосердие, верность и правда». Но в отличие от мужчины, девушке надо особо заботиться о своей репутации – никогда не подавать повода к сплетням. Нельзя даже шептаться – обязательно найдутся недоброжелатели, готовые приписать тебе помыслы тайные, и конечно же, постыдные. Говори на людях только так, чтобы все слышали – и только разумно и кратко.

Если же при тебе произнесут неприличное слово – сделай вид, что не расслышала или не поняла, и знай – эти люди бесчестны, отойди от них. «Кто стыдлив – оный отнюдь не говорит скверного слова, честный стыд возбраняет безчестных слова», особенно при дамах. Если же дама в ответ на скверные слова рассмеялась – она ничем не лучше собеседника.

«Не порядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегают по причинным местам, и улицам розиня пазухи, садился к другим молодцам, и мущинам, толкает локтями, а смирно не сидит. Но поет блудные песни, веселится, и напивается пьяна. Скачет по столам, и скамьям, дает себя по всем углам таскать, и волочить, яко стерва, ибо где нет стыда, там и смирение не является.» Предостережение на все времена.

Что касается одежды – не должна она быть «легкомысленна и тщеславна» ни у кого, а у девицы – особенно, ибо показывает легкомыслие и тщеславие особы, готовой влезть в долги, но отличиться платьем. Одежда не по средствам – очевидная глупость!

Выучить правила на все случаи жизни невозможно. Помни главное: правильные слова и правильные поступки может подсказать только сердце целомудренное, чистое и верное.

Но даже самодержцу было ясно, что управлять указами – не получится, воспитывать наставлениями – тем более. Где же взять ту силу, которая сможет наставить – направить – пригвоздить и возвеличить? Если не церковь, то что?

Удивившись страсти французов к театру, Пётр спросил: «Зачем? Зачем нужна литература?» Ему, царю – инженеру, было совершенно ясно, зачем чертежи и руководства, зачем исторические хроники и научные трактаты. Надо знать, как делать, надо знать, что есть в природе, надо знать, что было «в веках, бывших прежде нас». А вот зачем писать о том, чего не было, о событиях и людях выдуманных?

Французы ответили мудро. Сказали, что человек может на совершить столько ошибок – исправить их жизни не хватит! А читая о других людях, чужие истории, он учится на чужих ошибках. Литература – учебник жизни. И царь сделал потрясающий вывод: «Надобно и нам литературу завести».

Не дано людям видеть будущее, не мог предположить Пётр, глядя на инженер – поручика Ибрагима Ганнибала, что лучшим русским поэтом станет правнук этого арапа... Но вот первого русского поэта царь разглядел – в недавно разбитом Летнем саду. На рассвете.

Выйдя по обыкновению на прогулку, Пётр увидел мальчика, сидевшего в глубокой задумчивости напротив статуи Венеры Таврической.

– О чём думаешь?

Мальчик не смутился. Ответил прямо, разумно и кратко:

– У неё не хватает рук, но думаю, так даже лучше – в ней появилась тайна...

Это был ответ поэта.

Это был четырнадцатилетний **Антиох Кантемир (1708—1744)**.

Парадоксальная страна – Россия. Первым русским поэтом считается румын. И это при том, что русская литература существовала уже 700 лет. Как и почему?

Рубеж семнадцатого и восемнадцатого веков и сегодня воспринимается нами, как возникновение совершенно новой России. «Там», в «Москве – третьем Риме» остались подёрнутые дымкой времени, жития и хождения. А «здесь», в новорождённой Российской империи, должна была возникнуть литература – общественная сила, литература – высший авторитет. Вторая власть... если не первая.

Антиох Дмитриевич, сын молдавского господаря, был жаден до знаний, и искренне не понимал тех, кому неинтересно. Он мог бы ограничиться домашним образованием – вполне достаточно для службы в Преображенском полку, но окончил Греко-Славянскую академию. Затем, не удовлетворившись схоластикой, посещал лекции Бернулли и Гросса в Академии наук, вошёл в тесный круг Феофана Прокоповича – общество петровцев, крайне разочарованных приостановкой реформ после смерти реформатора.

И первая его литературная работа – «Разговоры о многообразии миров», перевод книги французского мыслителя Фонтенеля. Делая скидку на неподготовленность русской публики, Кантемир снабдил каждую главу книги собственными пояснениями, комментариями, выводами.

Увы, императрица Екатерина Первая не обладала широтой взглядов своего покойного супруга, да и читать не умела. Ей сказали, что книга «противу религии и нравственности» – она поверила. Запретила.

На карьере будущего поэта это, однако, не сказалось никак – именно Кантемир стал самым первым послом России в западной стране – в Англии. В 23 года! Его абсолютная порядочность, преданность интересам России – в сочетании с обходительностью, мягкостью характера – отмечались всеми, кого с ним сводила судьба. Более европеец, чем многие европейцы, он был столь же на своём месте и во Франции, где тоже пришлось представлять Россию.

Но механически переносить «к себе» опыт Европы? Ни в коем случае. Казалось бы, ограничение самодержавия по английскому образцу – это было бы выходом, учитывая то, что достойных наследников Петру нет? Правило бы некое собрание лучших граждан... Но зная придворные нравы, Антиох очень хорошо себе представлял, что это будут за «граждане». Толпа рвачей – временщиков!

Вот почему он помог императрице Анне Иоанновне избавиться от опеки Верховного Совета. Подсказал ей «изодрать кондиции» – условия, на которых её пригласили на престол, и править самодержавно. Пообещал поддержку всей гвардии (сам и склонил гвардию поддерживать неопытную самодержицу).

Анна Иоанновна была очень благодарна, и много способствовала распространению сочинений Антиоха Дмитриевича. Басни, эпиграммы, оды, переводы французских просветителей... и сатиры.

Сатир было всего девять – но именно они и стали новым словом в русской литературе. Почему? Прежде всего – новизна содержания.

Наука – для России нечто новое, да и в Европе она стала отдельным видом человеческой деятельности недавно. И как ко всему новому, к ней присматриваются, оценивают, задаются вопросом: а нужна ли она вообще? И в первой своей сатире «**На хулящих учение**» Кантемир

выводит нескольких «типичных представителей» – помещика, лакея, светского щёголя, ханжу. Ни в чём другом они к согласию не пришли бы, а здесь – единодушны: от наук никакой пользы, кроме вреда!

Ханжа:

*«Расколы и ереси науки суть дети;
Большие врёт, кому далось больше разумети.*

*Приходит в безбожие, кто над книгой таёт...
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину!*

Ему вторит хозяйственный помещик:

*Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык – свой хлеб потеряли.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле – без алгебры счислим».*

У гуляки Луки свои резоны:

*В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга – на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?*

А у франга – свои:

*Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменил на Сенеку он фунт доброй пудры.*

И все хором они начинают вспоминать епископа, судью, купца, воина, которые «едва имя своё подписать умеют» – и ничего, живут, служат и богатеют.

*Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житьё, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится.*

Словом, умница, держи свой ум при себе. Спокойнее и безопаснее.

Сатира **«На зависть и гордость дворян злонравных»** – это монолог оскорблённого боярина Евгения. Весь свет ему обязан за то, что его род был славен ещё при княгине Ольге. Почему же он себя «везде зрит последним», почему чины и должности получают «сапожники да пирожники»?!

Его собеседник Филарет ясно видит причину – никаких заслуг и достоинств у Евгения нет, если, конечно, не считать достоинством умение модно одеваться.

«Разнится потомком быть предков благородных,

Или благородным быть.»

И далее – яркая, насмешливая картина жизни богатого франта, обжоры, пьяницы и игрока. Ценить такого могут лишь собутыльники – и то пока заморские вина не кончатся.

А в сатире **«О воспитании»**, пожалуй, не устарело ничто.

*«Главнo воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчье зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен»...*
*Бесперечь детям твердя строгие уставы,
Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь;
Дай им время и играть;
Пример наставления всякого сильнее:
Он и скотов следовать родителям учит.*

*Филин вырос пьяница? – пьяница был сродник,
Что вскормил...*
*Сильвия круглую грудь редко покрывает,
Смеешком сладким всякому льстит, очком мигает,
Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
Бояся досадного в отказе ответа? –
Такова и матушка была в ея лета.*

*Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец пред младенцем знали
Собой владеть и язык свой в узде держали.»*

Изящная, беззлобная насмешка человека доброго и снисходительного к несовершенству окружающих. Убеждённого в благотворности просвещения – и сожалеющего лишь о том, что медленно всходят плоды петрова посева.

Через столетие, одолев «устаревшие» сатиры Кантемира, Белинский воскликнул: «Он был первым сподвижником Петра на таком поприще, которого Петр не дождался увидеть... О, как бы горячо обнял великий преобразователь России двадцатилетнего стихотворца, если бы дожил до его первой сатиры!».

Но этот тяжеловесный слог, словно подобранный для того, чтобы затруднить наше сегодняшнее восприятие... а ведь Кантемир сознательно избегал «высокого штиля», славянизмов, украшал свои тексты поговорками, перлами просторечия. Может быть, всё дело в непривычном нам размере?

Силабо – тонический стих – дань древнерусской традиции, окончательно порвать с которой Кантемир, очевидно, не счёл нужным. Ведь и новый костёр лучше зажигать от старого.

Но ведь люди пели, а петь столь тяжеловесные вирши невозможно?

Народ – великий стихотворец, раньше профессиональных литераторов «нащупал» наиболее органичные для русского языка размеры:

*«Уж ты, ворон сизокрылый,
Ты скажи, где милый мой».*
*А твой милый на работе,
На литейном на заводе;*

*Не поет он, не гуляет,
Медны трубы выливает,
Емельяну помогает».*

Песенная культура восемнадцатого столетия, быть может, «недотянула» до «настоящей» поэзии в многообразии тем, но сумела превзойти её стройностью, ясностью стиха. И его красотой.

И чувствуя это, поэты не увлекались красотами, предпочитая безыскусную народную речь, создавая «народные» песни.

Некая «стихотворица», напечатав несколько своих песен, не пожелала открыть своего имени. Почему? Ведь стихи хороши настолько, что пережили автора на столетия! Песню «Во селе, селе Покровском» собиратели фольклора записали заново уже в середине двадцатого века – она жила в устной традиции!

*«Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой,
Разыгралась-расплясалась
Красна девица-душа,
Красна девица-душа,
Авдотьюшка хороша.*

*Разыгравшись, взговорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь;
Я со радости с веселья
Поиграть с вами хочу:
Приезжал ко мне детинка
Из Санктпитера сюда;
Он меня, красу-девицу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил.*

*„Поезжай со мной, Дуняша,
Поезжай, – он говорил, –
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугом;
Ты в деревне здесь крестьянка,
А там будешь госпожа;
И во всем этом уборе
Будешь вдвое пригожа!“*

*Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять:
„Нет, сударик, не поеду, –
Говорила я ему, –
Я крестьянкою родилась,
Так нельзя быть госпожой;
Я в деревне жить привыкла,
А там надо привыкать.*

*Я советую тебе
Иметь равнюю себе.
В вашем городе обычай –
Я слыхала ото всех:
Вы всех любите словами,
А на сердце никого.*

*А у нас-то ведь в деревне
Здесь прямая простота:
Словом мы кого полюбим,
Тот и в сердце век у нас!“
Вот чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь:
Что осталась жить в деревне,
А в обман не отдалась!»*

Разгадка этой загадки одновременно и проста, и поразительна: анонимным автором была... императрица. Елизавета Петровна. Дочь Петра Великого.

Не царское дело – писать стихи, но талант не спрячешь. Впрочем, будучи императрицей, она больше занималась переводами французской поэзии. А песни писала тогда, когда ещё была опальной цесаревной.

В 13 лет Лизанька осталась без отца, в 16 – и без матери. С туманными перспективами, с уймой могущественных врагов, и с подружками – крестьянками. Если бы не жизнестойкость и неунывающий характер...

Но если песня создавалась безо всяких видимых усилий, то становление театра в России оказалось делом долгим и трудным.

Театральные представления давались ещё при дворе Алексея Михайловича – и царь был до них большим охотником, и царские дети. Традицию подхватил Фёдор Алексеевич, а затем и царевна Софья. Но эти постановки – сцены из Писания и инсценированные рассказы из Византийской истории, были зрелищем для очень узкого круга. А главное – это был уровень самодеятельности – спектакли ставились силами учеников Духовной семинарии.

Первый постоянный театр для самой широкой публики – «Комедиальная храмина» – был построен в 1702 году на Красной площади. Любой человек любого чина-звания мог прийти и приобщиться – билет стоил от 3 копеек. Театр на 500 мест бывал переполнен – новинка!

Но очень скоро встал вопрос репертуара – русских пьес ещё не было. Переводили европейские, но без особого успеха. Пётр даже объявил значительную денежную награду тому, кто напишет «трогательную пьесу», но награда осталась невостребованной. И затея с театром для народа заглохла на долгие годы, а ведь как был нужен! С самого начала театр мыслился, как школа для взрослых, как средство воспитания нации. Вот почему императрица Елизавета Петровна так обрадовалась, узнав, что русский театр уже есть. В Ярославле. Подумать только – в провинции! Молодой купец Фёдор Волков собрал труппу «охочих комедиантов», сам построил что-то вроде большого сарая со сценой и «хитрыми приспособлениями» для смены декораций, сам написал несколько пьес... Бывает, что несколько поколений почтенной купеческой семьи наживают, а потомок, почувствовав свободу от материальных проблем, задумается о высоком.

Труппа немедленно была вызвана в Петербург и дала представление при дворе. Мнение двора было единодушно: «Алмазы природные! Однако ж их ещё гранить и гранить», – и актёры были «определены в науку» – в Шляхетский корпус, дворянское учебное заведение. Гуманитарные науки, здесь были на высоте.

Лишь через четыре года, в 1756 году последовал указ об основании Русского театра.

Театр классицизма в своей условности может соперничать разве что с иконописью – сцена была не зеркалом, поднесённым обществу, а окном в другой мир. Быть может, не более совершенный, но уж точно, более разумный. Персонажи – ходячие добродетели или пороки, имена – греко-римские (Клит, Орест, Феон и т.д.), манера двигаться, позы – всё расписано в специальных руководствах. Актёр обязан был садиться и вставать, воздевать руки и всплёскивать ладонями только так – и никак иначе, подкрепляя каждую эмоцию соответствующим жестом. Жесту доверяли даже больше, чем слову, и более того, ещё не ушли в прошлое театральные маски!

Какова же должна быть степень таланта чтобы, даже соблюдая каноны, запомниться современникам, как актёр, абсолютно гениальный? Те, кто видел Фёдора Волкова на сцене – не уставали восхищаться им и через полвека. Дмитрий Левицкий – автор этого портрета Фёдора Волкова, был актёром волковского театра. Несколько лет играл роли... главных героинь. Играть на сцене женщинам не запрещал никто, кроме общественного мнения. Профессия актёра всё ещё не признавалась достойным видом деятельности, и ни одной девице родители не разрешили бы «выставить себя на позорище». Замужней даме – тем более. Найти актрису в Ярославле не удалось, но в Петербурге всё же нашли. Сразу двух! И Левицкий вскоре покинул сцену, нащупав настоящее своё призвание – живопись.

Его «Владимир и Рогнеда» – первое русское полотно исторического жанра, – определённо навеяно театральной постановкой. Все позы и жесты – как положено. Разве что «неблагородным» – воинам и служанке, дозволено вести себя естественно: Смущённый, извиняющийся Владимир – это вызвало недоумение зрителей. Они ведь знали, что тут произошло – Рогнеда отвергла Владимира, обозвав его «робичичем» – сыном рабыни. Оскорблённый князь спалил

её родной Полоцк, у неё на глазах зарезал её родителей, и после этого объявил, что женой его Рогнеда всё же станет! Позже Рогнеда попыталась его убить, но это уже другая история. На картине мы видим именно момент «взятия в жёны» униженной полонянки.

Художник ответил зрителям, что за всё сотворённое «должен же Владимир хотя бы извиниться»!

Классицизм – искусство ДОЛЖНОГО. Долг – основное понятие, и исход борьбы между чувством и долгом предreshён. Всегда. А корысть – порок если не самый постыдный, то один из самых.

Да, герои пьес классицизма лишены индивидуальности, от пьесы к пьесе менялись имена-костюмы-декорации – но не характеры. Можно ли было любить всех этих «Хоревов и Эрастов»? Любить – вряд ли, но любоваться – можно. Планка завышена, образцы недостижимы, но вектор, направление развития – указано верно.

И когда, после смерти Елизаветы Петровны, пришлось выбирать, кого из двух возможных наследников поддержать, Волков не заколебался. Какую роль он сыграл в дворцовом перевороте, приведшем на престол Екатерину Вторую – мы не знаем, но его участие в событиях несомненно. По легенде, Волков сам просил нигде, ни в одном документе не упоминать его имени – ведь среди участников он один не был дворянином. А это значит, что в случае неуспеха всем грозит Сибирь, а ему – виселица.

Но когда новая императрица впервые вышла на балкон дворца, среди немногих вернейших соратников рядом с ней стоял и Фёдор Волков. Надлежало зачитать манифест – а его впопыхах не успели написать! И тогда Волков развернул... чистый лист бумаги. Прекрасно поставленным голосом он «зачитал» Манифест о начале нового царствования.

Награды посыпались на соратников, как из рога изобилия. Но Волков от наград отказался – не принял ни ордена, ни «деревенек». Императрица вызвала его для объяснений, и услышала, что сын отечества должен быть бескорыстен.

– А я не могу быть неблагодарной. Фёдор Григорьевич, хоть дворянство прими!

Как жаль, что не сохранилось ни одной пьесы Волкова. Ни одной! Похоже, они были уничтожены намеренно, но когда и кем? Лучшую его «пьесу», однако, видела вся Москва – грандиозное уличное представление – карнавал «Торжествующая Минерва». Минерва – богиня мудрости. Не сомневался отец русского театра в наступлении века Разума и Справедливости.

Но трепет восторга – это ведь не единственная эмоция, которой ждут от книги или спектакля? И тогда людям хотелось просто развлечься, умилиться или посмеяться. Вполне законное желание, и прекрасно, что всё большее число россиян убеждалось: удовольствие от хорошей книги – верно и вечно.

«Сделать» целую литературу – роман, повесть, драму и комедию, рассказ и эпиграмму, поэму и лирику – предстояло за несколько лет. Ощупью – ведь «на поэта» нигде не учили.

Михаил Чулков – явление «массовой культуры», хотя XVIII век такого термина ещё не знал. Ему удалось развлечь публику и создать себе имя на пересказах европейских романов. Не переводах, а именно очень вольных пересказах, с вычёркиванием (или добавлением) целых сюжетных линий. Он запросто мог поменять время и место действия, придумать персонажам новые имена – и в итоге получалось нечто столь далёкое от оригинала, что можно говорить о творчестве по мотивам. Зато занятно! Не вдаваясь в дебри психологии, не заботясь о правдоподобности чувств и мыслей героев, Чулков был неистощим в выдумке неожиданных поворотов сюжета, комедийных ситуаций – занимательность была его козырем и его целью.

Повесть, в которой Чулкову удалось подняться до уровня «настоящей» литературы, носит название длинное и забавное: **«Пригожая повариха, или похождения развратной женщины»**. Любители «клубнички» обнаруживали, однако, что «развратного» в этом повествовании – с перечное зёрнышко.

Мартона, девятнадцатилетняя солдатская вдовушка, не растерялась подкормиться возле небогатого барина, затем с готовностью переметнулась к барину богатому – прельстилась бриллиантовой табакеркой. Но оказалось, что «богач» – лакей, укравший табакерку у своего господина! Один способ избежать суда – прельстить хозяина табакерки. Это оказалось несложно, беда лишь в том, что хозяин безделушки – Светон – женат, и можно ожидать несчастья от его жены.

Несчастье вскоре воспоследовало, и Мартону, без гроша и пожиток, принуждена была начать всё сначала, только уже в столице. Секретарь, канцелярист, и наконец – удача! Подполковник! Жить бы, да радоваться – но тут не на шутку влюбился в неё некий хитроумный Ахаль. И наострился проникать в дом под видом её... сестры! Развлекались, пока Ахаль не исчез со всеми деньгами, и её, и подполковника. Влюблённый старик её даже не упрекал, но вскоре умер, и его наследники засадили бывшую повариху в тюрьму. Опять всё сначала – Мартону не пропадёт нигде!

Источник ясен – это европейский Плутовской роман с его героем – неунывающим пройдохой. Но почему понимая умом, что Мартону живёт как-то неправильно, мы ей всем сердцем сочувствуем? Почему рады, что она провела одного-другого-третьего кавалера, и желаем ей провести и всех последующих?

Да потому, что все те, кто считается благородными по праву рождения, все эти дворяне, как провинциальные, так и столичные – хуже хитроумной поварихи. Она цепляется за жизнь, а им-то что мешает жить честно? Тщеславие и глупость.

Глупость – то, что вызывает самую ядовитую насмешку автора: вот целая канцелярия пытается разобрать оду «какого-то Ломоносова». Не могут, ничего не понимают... И потому объявлена была эта ода бреднями, уступающими во всех отношениях последней канцелярской записке.

Ясно, что сам автор – Михаил Чулков – в достоинствах од Ломоносова ничуть не сомневается. Для него это – эталон.

Чем же был для русской словесности **Ломоносов Михайло Васильевич? (1711 – 1765).**

Мы не устаём поражаться его открытиям во всех областях знаний – от физики до социологии. Понятно, что весь объём науки тогда ещё был доступен одному человеку, но одно дело усвоить чужие достижения, и совсем другое – сказать новое слово во всех науках. Природа его гениальности понятна – ненасытная любознательность и небывалая трудоспособность.

С детства все мы помним легенду об упрямом парне, который пешком ушёл с Белого моря в Москву – учиться. Словно ведомый неведомой силой... «Легенда» в данном случае – это не вымысел, а кристаллизованная правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.